

ЭНТИМЕМА В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ*

Первое, что приходит в голову при упоминании энтимемы, — это стандартное определение, которое дается ей в логике. Энтимема — это усеченная форма, широко употребляемая в рассуждении в естественном языке. Поскольку это форма умозаключения, то она должна входить в предмет логики. Но поскольку она является формой рассуждения в естественном языке, то нередко можно встретить ее упоминание в списке риторических фигур¹. В отличие от других видов умозаключения.

При определении энтимемы ее суть часто сводится к ее формально-логической ущербности — отсутствию логически необходимых элементов. Следовательно, энтимема, рассмотренная сама по себе, не может быть признана правильной (валидной) формой рассуждения. И тем не менее, оказывается, возможно построение логической классификации энтимем, вовсе не сводимой к школьной классификации на энтимему с пропущенной большей посылкой, энтимему с пропущенной меньшей посылкой и энтимему с пропущенным заключением. Но, мало того, существует вполне обоснованная интерпретация аристотелевского понимания энтимемы, которая допускает, что энтимема может быть полным силлогизмом². Значит ли это, что суть энтимемы не в ее формально-логической ущербности? По крайней мере, это означает, что аристотелевское различение видов силлогизма должно быть еще раз исследовано, чтобы найти в ней место для энтимемы, чтобы традиционное понимание природы энтимемы скорректировать.

I

Традиционное толкование энтимемы в логике сводится к тому, что «энтимема» — это имя для логически неправильной формы

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-03-03301а.

¹ Например, в Британской энциклопедии в статье, посвященной риторике, энтимема упоминается как одна из фигур речи именно потому, что она представляет собой форму силлогизма, наиболее часто используемого в речи оратора.

² См., например: *Madden E. H. The Enthymeme: Crossroads of Logic, Rhetoric, and Metaphysics // The Philosophical Review. 1952. Jul. N 3. Vol. 61. P. 368-376.*
©А. И. Мигунов, 2006

умозаключения, суть неправильности которой состоит в том, что утверждается следование некоторого высказывания C из высказывания A , притом, что отношение логического следования между этими высказываниями отсутствует. Эту ситуацию можно исправить, если предположить, что энтимема — это фрагмент логически самостоятельного доказательства, который рассматривается безотносительно к целому и логическая ущербность которого исчезает, если он встраивается в контекст общего рассуждения. Процедура восстановления энтимемы может иметь самостоятельное познавательное значение как процедура поиска недостающих гипотез для обоснования C . Поиск недостающих посылок становится важной составляющей исследования оснований нашего знания, рациональности познания. Задача логики в этом случае состоит в том, чтобы разработать соответствующий механизм, формальный алгоритм рационального поиска возможных гипотез. Решению этой задачи посвящены, например, некоторые работы И. Н. Бродского, в которых строится формальный алгоритм восстановления энтимем с применением разработанного автором индексного метода анализа доказательств³.

Итак, называя некое условное высказывание энтимемой, мы тем самым полагаем, что существует такое логически полное рассуждение, в котором рассматриваемая энтимема оказывается логически правильным (или неправильным) шагом доказательства. В конце концов, использование в качестве элемента доказательства ранее доказанной формулы тоже может рассматриваться как энтимематический прием. Ранее доказанная формула есть энтимема с опущенными основаниями, которые тем не менее содержатся в данной логической системе и в случае необходимости могут быть извлечены из ее «памяти», доказательство с использованием ранее доказанных формул может быть перестроено в доказательство, в котором эти формулы являются логическими следствиями ранее написанных. Ясно, что энтимема оказывается системно зависимой: в разных логических системах полная логическая форма, которая стоит за энтимемой, может быть различной и задавать специфическую логическую определенность энтимеме. Поэтому в логике можно построить классификацию энтимем, ос-

³См.: *Бродский И. Н.* Восстановление энтимемы в исчислении предикатов // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб., 1994. Ч. 1. С. 6–10; *Бродский И. Н.* О формальной процедуре восстановления энтимемы // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1996. Сер. 6. Вып. 1.

нованием которой будет специфика соответствующих логических систем.

Подобную интересную не только для логики классификацию энтимем предлагают Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон⁴.

Рассмотрим в качестве примера следующее рассуждение:

(M) Все студенты талантливы и трудолюбивы
(m) Александр — студент
(C) Александр талантлив и трудолюбив

Очевидно, что мы имеем дело с рассуждением, построенным по модусу *Barbara*, т. е. с правильным силлогизмом. Правильной форме силлогизма соответствует необходимо истинное суждение «Если *M* и *m*, то *C*», где *M* — большая посылка, *m* — меньшая посылка, *C* — заключение, а «если... то...» выражает отношение следования. Если отношение следования имеет место, то это суждение, бесспорно, истинно. В случае с энтимемой мы имеем высказывание «Если *M*, то *C*», истинность которого, а следовательно и правильность соответствующего рассуждения «Если все студенты талантливы и трудолюбивы, то Александр талантлив и трудолюбив», сомнительна. Возможны два ответа на вопрос о приемлемости этого рассуждения: «Это рассуждение неправильно, поскольку предложенной посылки недостаточно для получения заключения» или «Это рассуждение правильно, если вы неявно используете очевидную посылку *m* «Александр — студент»». Причем, если в рассуждении «Если *M* и *m*, то *C*» наличие отношения логического следования несомненно и устанавливается на основе строгих логических норм, то в случае рассуждения «Если *M*, то *C*» наличие отношения логического следования является всегда результатом уступки, любезности со стороны собеседника, при которой явно или неявно предполагается соблюдение соответствующего условия *m*⁵.

Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон строят классификацию энтимем (т. е. сокращенных форм следования) на основе классификации импликаций. В классической логике высказываний используемый нами союз «если... то...» выражается через материальную импли-

⁴ Anderson A. R., Belnap N. D. Jr. Entymemes // The Journal of Philosophy. 1961. Vol. 58. N 23. P. 713–723.

⁵ Очевидно, что признать правильной эту форму рассуждения без допущения диалога, согласия слушателя, т. е. не выходя за пределы чистой логики, трудно.

кацию. В логике высказываний наше рассуждение можно представить в виде формулы $(M \& m) \supset C$. Конечно, материальная импликация не является, строго говоря, видом «имплицирования» и не может выражать отношения следования. Но, кроме того, в высказывании с материальной импликацией, антецедент которой представляет собой кратную конъюнкцию, можно отбросить любой из конъюнктов, относительно которого известно, что он является истинным. То есть будет правильным следующее рассуждение:

$$\frac{m}{(M \& m) \supset C} \\ M \supset C,$$

где m рассматривается как истинное высказывание. В результате $M \supset C$ в этом случае оказывается истинным высказыванием. И казалось бы, что если импликативное высказывание истинно, то должна быть правильной и соответствующая форма рассуждения. То есть мы можем переходить от утверждения M к утверждению C . Однако эта форма рассуждения не может быть признана правильной, поскольку отсутствует необходимая для наличия отношения следования посылка. Это лишний раз подтверждает, что материальная импликация не может использоваться для выражения отношения следования и нельзя, используя материальную импликацию, выразить специфику энтимемы по отношению к нормальной форме рассуждения.

Строгая импликация лучше подходит для выражения энтимематического следования. Понятно, что для создателей релевантной логики и льюисовская строгая импликация не схватывает интуитивного понимания отношения следования в силу отсутствия релевантности между посылками и заключением, но строгая импликация не позволяет отбрасывать один из конъюнктов из антецедента только на том основании, что он является истинным. Строгая энтимема имеет место, когда опускается не истинная посылка, а необходимо истинная посылка. Возьмем суждение «Если A , то либо A и B , либо A и не- B ». Это суждение является истинным. При этом мы опустили очевидно необходимую для такого заключения посылку, которая представляет собой очевидно истинное суждение « B или не- B ». Как замечают Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон, К. И. Льюис сам полагал, что строгая импликация является энтимематической в том смысле, что необходимо истинная посылка может быть опущена. Для него опускание априорной или логически

беспорной посылки не разрушает валидности дедуктивного рассуждения. Но, по мнению Н. Д. Белнапа и А. Р. Андерсона, допустимость отбрасывания посылок, даже если они являются необходимо истинными, лишней раз доказывает невозможность использования строгой импликации для корректного выражения интуитивного понимания отношения выводимости, поскольку отсутствие посылки делает неправильной форму рассуждения, разрушает отношение логического следования. «Необходимо истинные суждения, будучи посылками, столь же необходимы в качестве посылок, как и не необходимо истинные»⁶.

Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон утверждают, что предложенная ими формальная система релевантной логики *E* корректно выражает интуитивное понимание отношения следования или логической выводимости. Система *E*, которую они предлагают, соответствует системе Льюиса *S4*, однако в ней отсутствуют парадоксальные утверждения. Такие суждения, как $(A \& A) \rightarrow B$, $A \rightarrow (B \vee B)$ и $NA \rightarrow (B \rightarrow A)$ (где *NA* означает, что *A* является необходимо истинным, а стрелка является символом для обозначения следования) не доказуемы в *E*. В системе выполняется принцип релевантности и условие, согласно которому только выводы влекут за собой выводы, или, другими словами, утверждение, что из *B* логически следует *C*, не может само следовать из фактологического суждения. То есть если формула $A \rightarrow (B \rightarrow C)$ доказуема в *E*, то формула *A* содержит стрелку, т. е. сама является выводом. Необходимо истинные посылки не могут быть в ней отброшены, и энтимема, которая представляла бы собой неправильную форму рассуждения, невозможна. В противном случае это подорвало бы идею релевантной импликации, в частности эквивалентность $A \models B \leftrightarrow \models (A \rightarrow B)$. Поскольку в системе *E* адекватно выражается интуитивное понимание отношения следования, то в ней можно попытаться дать формально корректное толкование логического смысла различных видов энтимем, выраженных через соответствующие импликативные формулы.

Что необходимо для «валидной» энтимемы? (1) Чтобы было очевидным, что имеется опущенная посылка, и (2) чтобы опущенная посылка была очевидно истинной.

Если исходить из того, что в системе *E* корректно выражается интуитивное понятие правильного рассуждения, то приемлемое

⁶ Anderson A. R., Belnap N. D. Op. cit. P. 717.

определение энтимематического отношения «если... , то...» (для обозначения которого используем знак \rightarrow^*) имеет вид:

$$A \rightarrow^* B =_{df} (\exists r)[r \& ((r \& A) \rightarrow B)].$$

То есть высказывание, соответствующее любому энтимематическому рассуждению, является истинным в том и только в том случае, если существует (опущенная) посылка, которая истинна и которая могла бы преобразовать энтимему в формально правильное рассуждение.

В том случае, если от посылки требуется лишь возможная истинность, мы имеем дело с «интуиционистской» энтимемой. Эту энтимему можно назвать интуиционистской, поскольку ее определение совпадает с гейтинговским определением интуиционистской импликации: «Импликацию $p \rightarrow q$ можно утверждать тогда и только тогда, когда мы располагаем таким построением τ , которое, будучи объединено с любым доказывающим p построением (в предположении, что последнее выполнено), автоматически давало бы доказывающее q построение. Другими словами, построение p вместе с построением τ образовывало бы доказательство q »⁷. Это определение ясно показывает, что интуиционистская импликация является энтимематической. Утверждение, что импликация $p \rightarrow q$ является интуиционистски истинной, означает, что существует истинная посылка r , которая может быть востребована для производства q из p , но которая опущена в антецеденте p . Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон утверждают, что энтимематическая импликация (\rightarrow^*) и интуиционистская импликация полностью совпадают.

И если в системе EP^+ , позитивном фрагменте системы E , полученном исключением аксиом с отрицанием и добавлением кванторов, выполняется определение

$$A \supset B =_{df} (\exists r)[r \& ((r \& A) \rightarrow B)],$$

то множество теорем системы EP^+ , содержащих только знаки \supset , $\&$, \vee , точно совпадают с позитивным фрагментом интуиционистской логики Гейтинга. А это означает, что «высказывание A интуиционистски «имплицитует» B подразумевает, что существует некоторое истинное высказывание r такое, что конъюнкция r и A влечет B »⁸.

⁷ Гейтинг А. Интуиционизм. М., 1965. С. 123–124.

⁸ Anderson A. R., Belnap N. D. Op. cit. P. 720.

Получается, что «подкова» выражает понятие интуиционистски энтимематической импликации: антецедент в действительности не гарантирует истинности консеквента, но существуют некоторые истинные высказывания, которые вместе с антецедентом могли бы быть представлены как посылки, имеющие консеквент в качестве своего логического следствия.

Переходя от интуиционистской энтимемы к строгой энтимеме, Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон, в соответствии со сказанным ранее, дают следующее определение *строгого* энтимематического отношения «если... то...» в EP^+ :

$$A \prec B =_{df} (\exists r)[Nr \& ((r \& A) \rightarrow B)]$$

(где N означает необходимо истинный), что является по существу определением строгой импликации из S4 Льюиса, т. е. «высказывание *A* строго *имплицитует* *B* (в смысле позитивной части S4) подразумевает, что существует некоторое необходимо истинное высказывание *r* такое, что конъюнкция *r* и *A* *влечет B*»⁹.

Н. Д. Белнап и А. Р. Андерсон приходят к выводу, что это лишь на первый взгляд кажется, будто энтимемы не могут быть предметом строгого логического анализа, так как имеют неизбежный социологический или психологический контекст, поскольку применяющий энтимемы должен исходить из того, что его слушатели обладают определенным знанием, или из того, что он сам имеет в виду, кроме того, что сказал. Тем не менее можно дать довольно корректную интерпретацию понятию энтимемы и в рамках строгого логического знания, которая будет, конечно, зависеть от типа логической системы.

Причем приведенной классификации энтимем можно дать следующую содержательную интерпретацию:

1. «Если мы настолько небрежны в выражении наших аргументов, что позволяем себе опускать любую истинную посылку, то получается, что мы действуем точно в соответствии с интуиционистской теорией «импликации».

2. Если мы несколько более осторожны и позволяем себе опускать только необходимо истинные посылки, то мы действуем точно в соответствии со строгой «импликацией» (в смысле позитивного фрагмента S4).

3. Если мы предельно осторожны и всегда фиксируем все посылки, которые необходимы (т. е. если мы рассуждаем ло-

⁹Ibid. P. 721.

гически), то мы действуем точно в соответствии с логической импликацией (на этот раз без кавычек) формальной системы E или отношением следования»¹⁰.

Итак, в основе классификации энтимем у А. Р. Андерсона и Н. Д. Белнапа лежат следующие положения: всякое правильное рассуждение можно представить в виде импликативного высказывания, которое обязательно будет истинным. Но не всякое истинное импликативное высказывание выражает отношение следования между антецедентом и консеквентом. По тому, насколько близко передается импликацией интуитивное понимание отношения следования, выводимости, можно построить классификацию импликативных высказываний или импликаций на материальную, строгую и релевантную. Корректность выражения интуитивного понимания выводимости при переходе от интуиционистской импликации к строгой, а от строгой к релевантной возрастает. Это связывается с ограничениями, накладываемыми на возможность отбрасывания истинных конъюнктов из антецедента импликации, который представляет собой кратную конъюнкцию посылок соответствующего рассуждения. Соответственно возрастает и корректность, строгость энтимематического рассуждения, которое рассматривается как неполное умозаключение. В предельном случае мы получаем полную форму рассуждения, в которой зафиксированы все необходимые посылки, т. е. переходим от энтимемы к правильному рассуждению.

Для Н. Д. Белнапа и А. Р. Андерсона, да и для логики вообще, энтимема — это логически неправильная, ущербная форма рассуждения. Адекватно выразить интуитивное понимание отношения следования может только такая форма рассуждения, которая не допускает энтимематического, в привычном для современной логики понимании этого термина, перехода от посылок к заключению. Введение релевантной импликации, в определенном смысле, представляется как попытка выражения интуитивного понимания следования в корректной логической форме, а следовательно, устранения энтимем.

Но является ли это понимание энтимемы традиционным, соответствует ли оно толкованию энтимем Аристотелем, который и ввел этот термин в оборот и на которого неявно или явно ссылаются все пишущие об энтимемах? Или, точнее, выражает ли сущ-

¹⁰Ibid. P. 722.

ность энтимемы привычное толкование энтимематического рассуждения через фокусирование внимания на неполноте его формы? Может, не в этом суть и полный силлогизм тоже может быть энтимемой?

II

Различая виды рассуждения или силлогизма, Аристотель кроме научного, аналитического, когда посылки — «истинные» и «первые положения», установленные в науке (Топика. 100a 28), выделяет четыре формы рассуждения, используемые в речи за пределами научного знания. Это эристический силлогизм, в нем посылками являются мнения, которые кажутся общепринятыми (правдоподобными), но не являются таковыми (Топика. 100b 24), и паралогизм, в котором используются в качестве посылок квазинаучные суждения, свойственные науке, но не истинные (Топика. 101a 6). Это софистические средства обмана, с их помощью вводят в заблуждение слушателей.

Но существуют два других способа рассуждения в ненаучном дискурсе — диалектический и риторический силлогизмы. Они, по понятным причинам, представляют для нас особый интерес, и мы рассмотрим их более детально. Рассуждение является диалектическим, если оно начинается с мнений, которые являются общепринятыми, правдоподобными (Топика. 100a 30); диалектический силлогизм является средством ведения диалектической беседы, цель которой — не введение в заблуждение собеседника, а совместный поиск истины. Это ответственный разговор о природе вещей.

Для Аристотеля диалектика — это приложение разработанных в аналитике норм построения научного доказательства к анализу и построению убеждающих рассуждений в реальном дискурсе, т. е. искусство вести рациональную беседу, не ограниченную жесткими рамками науки. Она учит находить основания для доказательства своей мысли собеседнику, вовлекая его самого в этот процесс. Диалектический силлогизм отличается от научного тем, что его посылки являются результатом конвенции, диалога. Это не необходимое знание, не первые истины, как в научном силлогизме, а результат согласия, ориентации на собеседника. Часто это мнение уважаемого обеими сторонами дискуссии человека. Следовательно, диалектический силлогизм является составной частью диалектики. Пользующийся диалектическим силлогизмом не утверждает

посылку, а задает вопрос, автором же посылку является его собеседник. То есть диалектический силлогизм всегда адресован, он всегда обращение. Вступая в диалектическую беседу, параллельно надо выполнять две задачи: во-первых, искать, опираясь на валидные формы, посылки, из которых обосновываемое заключение будет следовать с необходимостью, во-вторых, искать именно те посылки, с которыми согласится собеседник. Поэтому ведущий диалектическую беседу должен задавать вопрос и получать от собеседника подтверждение права использовать соответствующую посылку. Конечно, желательно использовать истинные посылки из научного знания, но в разговоре с человеком, находящимся за пределами научного знания и языка, приходится пользоваться согласованным мнением. Поскольку имеешь дело с разумными людьми, представляющими определенную культуру, то можно построить соответствующую топикку, теорию общих мест, т. е. положений, с которыми склошны будут согласиться различные типы людей. Тогда можно строить силлогизм, используя соответствующие топик и не спрашивая на это разрешения собеседника. Это не будет научным силлогизмом, поскольку посылки не необходимые и научные истинны; это не будет диалектическим силлогизмом, поскольку не задается вопрос, нет беседы. Это будет риторический силлогизм, энтимема.

Диалектика невозможна в языке науки. Хотя, как говорит Аристотель, «диалектика имеет дело со всеми [науками]. . . Диалектика не имеет, однако, дела ни с чем-нибудь столь определенным, ни с каким-либо одним родом. Иначе она не прибегала бы к вопросам. Доказывающий же не ставит вопросов. . . » (Вторая аналитика. 77а 30–35). Но в то же время Аристотель утверждает, что возможны вопросы, на основе которых строится научный силлогизм. Так, «возможен некий относящийся к науке вопрос, из которого получается подходящий для каждой науки силлогизм» (Вторая аналитика. 77а 35–40). Диалогические средства построения обосновывающего рассуждения возможны и в научном знании. Это диалог, который строится в пределах языка данной науки, в пределах научного знания. Другими словами, на вопросы и ответы накладывается ограничение: вопросы не должны касаться первоначал данной науки и выводить нас за пределы научного знания, ответы должны представлять собой необходимые суждения, т. е. представлять собой научное знание, выводимое из начал этой науки. Как пишет Аристотель: «И ответ [на вопросы геометрии] следует давать исходя из геометриче-

ских начал и заключений, в отношении же самих начал не следует давать ответ геометру как геометру» (Вторая аналитика. 77b 3–6). Ясно, что если геометр дает ответ на вопрос относительно начал геометрии, то он перестает быть геометром, он выходит за пределы науки геометрии. «И точно так же в отношении других наук. Поэтому не следует каждому сведущему человеку ни ставить любой вопрос, ни давать ответ на любой вопрос, а ему следует ограничиваться лишь тем, что относится к [данной] науке. Если же таким именно образом с геометром обсуждают как с геометром, то очевидно, что обсуждают надлежащим образом, если доказывают что-нибудь исходя из тех [посылок, которые относятся к данной науке]. Иначе обсуждают не надлежащим образом. Ясно так же, что в этом случае геометра нельзя опровергнуть, разве только привходящим образом. Поэтому не следует среди несведущих в геометрии рассуждать о геометрии, ибо [среди них] незамеченным останется неверно рассуждающий. И точно так же в отношении других наук» (Вторая аналитика. 77b 6–15). То есть возможен научный силлогизм с вопросами, но только среди сведущих в данной науке. Конечно, это не будет диалектический силлогизм, поскольку посылка согласуется не с собеседником, а с научным знанием, и не в естественном языке, а в терминологическом языке соответствующей науки. «В математике же [отношение среднего термина к крайним] можно как бы видеть мышлением. Но в [диалектических] рассуждениях это остается незамеченным, [например]: есть ли каждый круг (kyklos) фигура? Если же его начертить, то это ясно. А [цикл] эпических стихотворений тоже есть круг? Очевидно, что нет» (Вторая аналитика. 77b 30–35). Происходит удвоение термина, т. е. ошибка, возможная лишь в диалектике. Или в разговоре с несведущим. Конечно, удвоение термина является ошибкой и в диалектическом силлогизме. Диалектический силлогизм отличается от научного не тем, что в нем допускается удвоение термина, а тем, что допускается толкование термина, появляется возможность этой ошибки. В этом случае мы выходим за пределы точного языка науки. То есть переходим в естественный, живой язык, значения слов которого недоопределенны, не точны и уточняются в результате диалога, по мере беседы. Здесь предметом диалога является смысл сказанного. Но и в научном знании сказанное интересует нас прежде всего с точки зрения выражаемого им смысла. «То, что необходимо истинно через себя и необходимо должно казаться таким, не есть ни предложение, ни постулат. Ибо доказательство касается не

внешнего выражения, а внутреннего смысла, потому что и силлогизм не [касается внешнего выражения]» (Вторая аналитика. 76b 20–25). Но в науке, как известно, смысл сказанного строго, терминологически задан, и выход за пределы термина превращает вас в песседушца. В то время как диалог в естественном языке изначально предполагает, что его участники в некоторой степени являются песседушцами, как и все, кто вступает в диалог за пределами языка науки.

Риторический силлогизм — средство построения ораторской речи. Именно здесь используется энтимема. Не в процессе ведения беседы, а при обращении к аудитории, которую надо убедить в приемлемости точки зрения оратора. «Риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вообще говоря, есть самый важный из способов убеждения, и так как очевидно, что энтимема есть некоторого рода силлогизм и что рассмотрение всякого рода силлогизмов относится к области диалектики — или в полном ее объеме, или какой-нибудь ее части, — то ясно, что тот, кто обладает наибольшей способностью понимать, из чего и как составляется силлогизм, тот может быть и наиболее способным к энтимемам, если он к знанию силлогизмов присоединит знание того, чего касаются энтимемы, и того, чем они отличаются от чисто логических силлогизмов, потому что с помощью одной и той же способности мы познаем истину и подобие истины» (Риторика. 1355a 5–15). Почему Аристотель называет энтимему риторическим силлогизмом? В чем ее природа, ее особость как средства обоснования, которая делает ее риторическим средством?

У Аристотеля, когда он пишет об энтимеме, ее определенность не сводится к неполному силлогизму. Структурно полный силлогизм может быть научным, диалектическим, а может быть и риторическим. Это зависит от природы используемых посылок. Похоже, что всякая форма рассуждения, в которой критерием приемлемости посылки выступает не согласовываемое явным образом с собеседником обращение к его житейскому опыту, является для Аристотеля энтимемой. «Энтимема, — пишет он, — есть именно силлогизм из вероятного или из признака» (Первая аналитика. 70a 10–11). Как утверждает Аристотель, энтимема необходимо должна быть силлогизмом, и она строится из некоторых немногих положений; «часто их бывает меньше, чем при выведении первого силлогизма, потому что, если какое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель...» (Ритори-

ка. 1357а 14–20). То есть можно, конечно, их опускать, но не это главное, а то, что одна из посылок, а возможно и обе, представляет собой утверждение о вероятном, об обычно присущем. Это не необходимо истинные, не первые суждения, поставляемые научным знанием, а то, что обычно принято, то, что присутствует как общекультурное основание, воспроизводимое в дискурсе, то, с чем согласится всякий разумный собеседник, но в случае энтимемы это согласие не испрашивается. И поэтому такую посылку можно опустить, а можно и не опускать. Когда драматургия речи требует опускать один из элементов энтимемы, оратор использует сокращенный силлогизм; когда стиль речи требует упоминания всех элементов силлогизма, используется полная энтимема. Но и в том и в другом случае это будет энтимема, т. е. рассуждение, рассчитывающее на то, что слушатель уже имеет в уме эту посылку, согласен с ней и потому ее можно использовать как средство аргументации.

Итак, энтимема — это «рассуждение из вероятного или из признака». Рассуждение, исходящее из вероятного, имеет в качестве большей посылки суждение с квантором «большинство», вместо квантора всеобщности. Рассуждение по первой фигуре силлогизма будет иметь вид

$$\begin{array}{l} \text{Большинство } M \text{ суть } P \\ \text{Все } S \text{ суть } M \\ \hline \text{Вероятно, все } S \text{ суть } P \end{array}$$

Средний термин не распределен в меньшей посылке и *почти* распределен в большей. Понятно, что толкование большей посылки как частного суждения разрушает отношение следования. Поэтому то, что термин *почти* распределен, позволяет нам сделать заключение хоть и не достоверное, но вероятное и практически приемлемое для слушателя. Если он, конечно, согласен, что средний термин в большей посылке почти распределен, т. е. если его опыт не знает исключений. Эта форма рассуждения будет энтимематической. Здесь оратор использует в качестве посылки общее место или суждение, истинность которого не удостоверена наукой, в противном случае имел бы место научный силлогизм. Право на использование этой посылки не получено от собеседника, в противном случае имел бы место диалектический силлогизм. Но оно, с точки зрения оратора, безусловно, приемлемо для слушателя, не являющегося собеседником, обладает для него высокой степенью правдоподобия.

И поэтому оратор может использовать его как средство аргументации.

Подобная ситуация имеет место и в рассуждении от признака.

Все люди с лихорадкой больны
У этого человека лихорадка
Этот человек болен

Большая посылка в приведенном примере — суждение с признаком. Причем в данном случае большая посылка не является вероятным суждением и рассматривается как бесспорная. Но мы и в этом случае, по Аристотелю, имеем дело с энтимемой. Потому что средний термин здесь — привходящий признак, а не собственный, он не является необходимым знанием, знанием по существу, о причине или природе болезни, как в научном силлогизме. «Доказывающее знание получается из необходимых начал... Привходящее же не есть необходимое» (Вторая аналитика. 74b 5–12). А в этом случае и заключение не необходимо. Знание этих признаков есть причина того, что мы знаем, что болезнь имеет место, но это не является знанием о причинах болезни. Лихорадка не является причиной болезни, но является ее признаком, а следовательно, причиной того, что мы знаем — этот человек болен. В традиционной терминологии признак есть *ratio cognoscendi*, в то время как причина — это *ratio essendi*. В данном случае суждение с признаком — это свидетельство житейского опыта, общего как для оратора, так и для слушателя. Право на использование этой посылки дает не наука, а общность опыта оратора и слушателя, что делает заключение безусловно приемлемым для слушателя. Это умозаключение является энтимематическим, поскольку здесь присутствует все то же обращение к «памяти», к тому, что мы «держим в уме» в качестве исходного, явным образом не обсуждаемого согласия. Конечно, в этом случае посылка или заключение часто опускаются, но это лишь возможность, а не обязательное условие энтимемы.

Именно поэтому «не следует составлять энтимему, заимствуя [посылки] издалика или заключая в них все [возможное], ибо в первом случае получится неясность, благодаря длине [энтимемы], а во втором это просто болтовня, так как говорятся вещи пошлые. В этом причина, почему люди необразованные в глазах толпы кажутся более убедительными, чем образованные... одни [т.е. люди образованные] говорят об общих вопросах с общей точки зрения,

а другие [т. е. люди необразованные говорят] на основании того, что знают и о вещах, близких [толпе]. Таким образом, нужно говорить не на основании всего, что покажется пригодным, но на основании определенной категории вещей, например, [тех, которые кажутся истинными] судьям или тем, с мнениями которых судьи соглашались, и это потому, что такие вещи и кажутся очевидными всем или большинству; при этом следует составлять энтимему не только из необходимого, но и из того, что бывает по большей части» (Риторика. 1395b 24 — 1396a 3).

Причем Аристотель допускает, что при определенных обстоятельствах употребление энтимем в общении со слушателями может «постепенно» превратиться в рассуждение для слушателей, но использующее научный силлогизм, силлогизм, который дает необходимое знание, поскольку использует в качестве посылок не вероятные суждения из области консенсуса оратора и публики, т. е. истинные для них, а необходимо истинные суждения, черпая их непосредственно из науки. Конечно, в научном доказательстве энтимема невозможна, научный, аналитический силлогизм не может предстать в энтимематической форме. В пределах теоретического доказательства энтимема не может появиться, поскольку там нет *подразумевания* приемлемости посылки. Сам акт диалогического подразумевания невозможен. Все нужные посылки присутствуют в системе научного знания, которая обеспечивает, гарантирует истинность заключений с необходимостью. Энтимема появляется за пределами научного знания, т. е. когда появляется обращение к другому и необходимость исходить из приемлемых для него оснований.

Но в то же время между научным силлогизмом, с одной стороны, и диалектическим или риторическим — с другой нет непреодолимой пропасти. Аристотель полагает, что в ходе разговора (например, с учениками) возможен постепенный переход с диалектического рассуждения на научное. Он указывает на «одно громадное различие», которое есть «между энтимемами и вообще, диалектическими формами рассуждения» (Риторика. 1358a 2-5). Аристотель призывает различать два рода энтимем: общие и частные. Так, диалектические и риторические силлогизмы мы используем там, где в качестве оснований используются общие места (топы — *topoi*); эти топы используются в рассуждениях о самых различных предметах, в них нет предметной специфики, а следовательно, они не требуют специальных познаний ни от оратора, ни от слушателей. Они явля-

ются общими не только с точки зрения предмета речи, но и с точки зрения участников разговора. То есть их используют в разговоре о чем угодно и с кем угодно (Риторика. 1358а 10–17).

Иное дело частные энтимемы. В них используются посылки, относящиеся к частному знанию, и их можно использовать только в пределах этого знания, а следовательно, для аудитории, владеющей этим знанием. Нельзя, используя посылки из области физического знания, построить силлогизм, доказывающий нечто относительно этики, и наоборот. Причем большая часть энтимем, как утверждает Аристотель, «выводится из этих частных специальных положений». Те, кто активно пользуется частными энтимемами, постепенно выходят из роли простых ораторов и все более перемещаются вместе со своими слушателями в область научного рассуждения. С помощью этих энтимем, пишет Аристотель, мы сможем сделать человека сведущим в области какой-либо частной науки. Более того, если мы будем выбирать посылки с должной осмотрительностью, то постепенно, «незаметным образом мы образуем область науки, отличной от диалектики и риторики, и если мы доберемся до основных положений, то будем иметь перед собой уже не диалектику и риторику, а ту науку, основными положениями которой мы овладели» (Риторика. 1358а 18–28). Это рассуждение Аристотеля описывает действия учителя, который для ученика выступает вначале как обычный оратор, опирающийся в своих рассуждениях и объяснениях на имеющееся у ученика знание. Но учитель в отличие от обычного оратора подбирает посылки с должной осмотрительностью, постепенно формируя для слушателей и вместе со слушателями язык науки, на котором затем формулирует основные положения этой науки и строит уже научное рассуждение. Логика рассуждений Аристотеля напоминает здесь упомянутую выше содержательную интерпретацию классификации энтимем, данную А. Р. Андерссоном и Д. Н. Белнапом, с той поправкой, что для последних энтимема — это умозаключение с опущенной посылкой.

Итак, мы можем использовать в качестве посылок суждения, просто истинные для слушателя, иногда опуская их; мы можем использовать в качестве посылок только необходимо истинные суждения, беря их из науки, и в разговоре с людьми сведущими опускать их как само собой разумеющиеся для слушателя; а можем, если ведем ответственный разговор, фиксировать все посылки, которые необходимы, которые мы берем из научного знания, т. е. строить

научное доказательство. В последнем случае мы пользуемся научным силлогизмом, т. е. в качестве посылок используем научное знание и явно демонстрируем отношение выводимости. Здесь энтимема невозможна, поскольку отсутствует порождающий ее источник — речевое общение, диалогическая контекстуальность языка, которые превращают энтимему из логически ущербной формы рассуждения в существенную характеристику языка, выражающую его природу. Но это тема уже отдельного разговора.